

RU

Риторическая аргументация и французская лингвокультура:
французский, японский и итальянский нарративы

Седых А. П., Бузинова Л. М., Акимова Э. Н.

Аннотация. Цель работы – выявление и описание сущностных признаков французского интерперсонального риторического взаимодействия на уровне дискурсных построений в русле обнаружения перспективных векторов создания комплексной теории лингвокультурологической проактивности с учётом когнитивно-коммуникативных данных национального менталитета. Достижение поставленной цели открывает возможности для оптимально-конструктивного позиционирования феномена французской рациональности как объекта исследования в рамках конверс-анализа через призму исторической и новой компаративистики. Научная новизна исследования видится в том, что в результате применения сопоставительно-конвергентного подхода к изучению современной французской риторики разработаны предпосылки создания обновлённой модели лингвосомиологического описания нарратива, уточнен и актуализирован ряд положений понятийного аппарата и терминосистемы дискурсологии, а также теории языка и теории коммуникации. Центральным моментом работы выступает трактовка риторического высказывания как лабильной и динамично функционирующей единицы дискурса и нарратива различного типа со своей системой семиотических опор и ориентиров, отражающих эмоционально-экспрессивные интенции субъекта высказывания. Исследовательская модель базируется на применении методики рефлексивного сопоставления ораторских приёмов, реализуемых в пространстве близкой (итальянской) и дистантной (японской) лингвокультур по отношению к целевой языковой культуре (французской). На основе полученных данных появляется возможность выявить дополнительные механизмы формирования обновлённого эпистемологического нарратива, что ведёт к диалогу и конструктивной синергии между представителями различных наук и дисциплин, на путях конструирования и реализации моделей адекватной эмпатической коммуникации, связанной с проактивной динамикой развития синергии лингвосомиотических и лингвокультурных параметров речевого акта.

EN

Rhetorical argumentation and French linguistic culture: French,
Japanese and Italian narratives

A. P. Sedykh, L. M. Buzinova, E. N. Akimova

Abstract. The aim of the work is to identify and describe the essential features of French interpersonal interaction at the level of discursive constructions in line with the discovery of promising vectors for creating a comprehensive theory of linguacultural proactivity, taking into account the cognitive and communicative data of the national mentality. Achieving this aim opens up opportunities for optimally constructive positioning of the phenomenon of French rationality as an object of research within the framework of converse analysis through the prism of historical and new comparative studies. The scientific novelty of the study is seen in the application of a comparative-convergent approach to the study of modern French rhetoric and in the creation of an updated model of linguosemiological description of the narrative to clarify the conceptual apparatus and more clearly structure the terminology of discourse studies, as well as the theory of language and the theory of communication. The central point of the work is the interpretation of the rhetorical utterance as a labile and dynamically functioning unit of discourse and narrative of various types with its own system of semiotic supports and reference points reflecting the emotional and expressive intentions of the subject of the utterance. The research model is based on the application of the method of reflexive comparison of oratorical techniques implemented in the space of close (Italian) and distant (Japanese) linguacultures in relation to the target language culture (French). Based on the data obtained, it becomes possible to identify additional mechanisms for the formation of an updated epistemological narrative, which leads to a dialogue and constructive synergy

between representatives of various sciences and disciplines, on the paths of constructing and implementing models of adequate empathic communication associated with the proactive dynamics of the development of synergy of linguosemiotic and linguacultural parameters of the speech act.

Введение

Искусство риторики, как известно, – это искусство красноречия и убеждения, которое использует приемы организации дискурса для структурирования и деления речи на логические части (или синтагмы, в зависимости от используемой терминологии), такие как вступление, повествование, конфирмация и заключение. Цель риторического высказывания – убедить аудиторию, используя этос, пафос и логос – фундаментальные аспекты риторики, воздействующие на говорящего, его эмоции и разум. Феномен французского риторического искусства, как комплексный процесс членения дискурса на рационально выверенные синтагмы, способов их адекватной интерпретации, иначе говоря, раскрытия точного смысла и прагматической выразительности высказывания, всё ещё остаётся малоизученным в мировом научном сообществе и является актуальным для изучения и продвижения в эпистемологическое пространство креативной риторики, востребованной не только на уровне всемирного коллективного филологического сообщества, но и в рамках индивидуальных лингвоэстетических потребностей индивида.

Исследование носит проактивный характер и руководствуется более широкой трактовкой фактов коммуникации в их дискурсно-нарратологическом аспекте: коммуникация определяется как «набор навыков, относящихся к предвосхищению практик поиска, преобразования и переформулирования утверждений и их содержания» (Krieg-Planque, 2006, p. 34). Согласно этому определению коммуникации, которое намеренно дискурсно центрировано, производство риторического высказывания можно считать специфическим навыком субъектов речи, выполняющих фундаментальные коммуникационные функции. Изучение феномена рационализма французской языковой интеракции, со своей стороны, является частью проекта, направленного на понимание и совершенствование процедур коммуникации через селективные формы фразировки и артикуляции, дискурсная практика которых при этом чаще всего формирует и использует стандартные формулы и выражения.

Аргументативные схемы французской лингвокультуры рассматриваются не только в рамках автохтонного языка, но и через призму их восприятия в итальянской и японской лингводидактике французского языка. При помощи перекрёстного анализа целей, задач и результатов учебного процесса, осуществляемого в академических сообществах близкой и дистантной лингвокультур, выявляется сходство и различие интеракционных моделей построения аргументации в сопоставляемых сообществах. Выясняется, что трудности освоения элементов риторического искусства напрямую связаны с национально-культурными особенностями словесно-логического мышления носителей национальных языков и спецификой их мировосприятия.

Операциональный корпус исследования опирается на ряд концепций видных филологов и методологов, отобранных по критериям релевантности, оригинальности и семиологической актуальности. Необходимость создания непротиворечивой теории проактивной риторики, построенной на лингвокультурологических и лингвопрагматических основаниях, не вызывает сомнения, и в этом видится актуальность настоящего исследования. Новая риторическая аксиология может быть построена с учётом синергетического взаимодействия конверс-анализа и лингвосемиологии в плане эпистемологической и эмпирической востребованности аутентичных оценок речевого акта и поиска путей реализации возможностей эффективного роста индивидуального и коллективного когнитивного потенциала социума.

Специфический нарратив, включающий в себя риторические модели убеждения, коррелирует не только с традиционными фигурами речи, такими как метафора и метонимия, но и с культурологическим пластом фоновых знаний, без которых конструктивная, адекватная и высокоэстетическая коммуникация представляется вряд ли возможной. В этой перспективе необходимо учитывать данные конвенциональной и разговорной имплицатур, а также концептуальные противоречия, которые они часто вызывают на уровне метатерминологического корпуса различных дисциплин – лингвистики, семантики, семиологии, психоанализа и лингвопрагматики.

В исследовании решаются следующие задачи:

- историко-филологическое описание и анализ концепций французской риторики;
- сопоставительное выявление лингвосемиологических и межкультурных корреляций способов риторической аргументации в различных типах национального дискурса и нарратива;
- подготовка проектных элементов эпистемологической базы для уточнения механизмов анализа риторических интеракций в рамках проактивной дискурсологии и лингводидактики.

Методы исследования включают в себя структурно-семантический и лингвосемиологический анализ аргументативного дискурса, а также выделение потенциальных интеракционных признаков риторического нарратива с целью создания адекватных эпистемологических предпосылок для маркирования и акцептации проактивных моделей метариторической деятельности.

Риторика как актуальная лингвокультурологическая дисциплина обладает терминологическим аппаратом, дифференцированно признаваемым специалистами в данной области, который обогащается новыми терминами (Рикёр, 2004; Седых, 2022; Clas, 2015; HREM). В работе делается акцент на междисциплинарности и многомерности термина «риторика» с опорой на релевантное и фиксированное понимание его информативного и смыслового содержания в различных контекстных условиях реализации. Гуманитарии всего мира вне зависимости от своих эпистемологических приоритетов регулярно уделяют внимание феномену французской риторики (Александрова, Борисова, Калининкова, 2021; Веденина, 2020; Pruvost, 2014; Siouffi, 2020; HREM).

Авторы в своём исследовании руководствуются принципом конвергенции теоретико-интерпретационного и практико-ориентированного подходов, связанных с принципом концептуализации аргументативной семантики и прагматики дискурса данного типа, согласно которому высказывание «является семантическим центром и синтаксическим ядром языка, наделённым функциями, направленными на удовлетворение когнитивных и коммуникативных потребностей субъекта и реципиента речи в русле адекватного восприятия лингвосемиотического потенциала означающих» (Rey, 2011, p. 157).

Национально-культурная поликодовость и многофункциональность риторических нарративов лежит в основе потенциальных свойств данного явления в плане смысловых и концептуальных параметров развёртывания в дискурсе, что находит своё отражение в трудах теоретиков и практиков гуманитарных дисциплин, таких как философия языка и концептология, дискурсология, когнитивная лингвистика (Карасик, 2025; Morin, 2006; Rastier, 2009; *Identités sociales...*, 2009).

В эпистемологическом плане исследование опирается на концепции учёных из следующих областей научного знания: интеракциональной коммуникации и лингвоидентичности (Kerbrat-Orecchioni, 2005), нарративной семантики (Рикёр, 2004), лингвосемиологии (Kristeva, 2000), метариторики и лексикультуры (Pruvost, 2005; Rey, 2011).

Теоретическая значимость исследования обусловлена синергией лингвосемиологического и когнитивно-коммуникативного подходов к изучению риторической аргументации с интегрированием дополнительных параметров метадискурсных аспектов гуманитаристики.

Результаты анализа лингвокультурологического поля и эмпирического материала позволяют говорить о подтверждении научных положений риторической теории, дискурсологии, нарратологии и лингвосемиотики. Методика, теоретические позиции и результаты исследования могут послужить для дальнейших разработок теории лингвосемиологического моделирования, в частности концептуальных риторических основ языковой картины мира и базовых общетеоретических положений для формирования нового терминологического аппарата метариторики.

Практическая значимость видится в применении результатов исследования в процессе преподавания основ дискурсологии, нарратологии, риторики и метадискурса науки, на лабораторных занятиях по филологическим и психолингвистическим дисциплинам, в рамках практических курсов по подготовке преподавателей гуманитарных вузов и научно-преподавательского состава классических университетов.

В нашем исследовании ограничимся обсуждением следующих аспектов, которые являются базовыми для разработки общей теории проактивной риторики:

- проблематики определения и позиционирования эпистемологического поля лексикультурных исследований (1);
- выделения культурологических признаков ораторского искусства в аспекте словесных поединков и самоутверждения личности (2);
- способов кодифицирования и маркирования рациональной и линейной риторики (3);
- рассмотрения основ картезианской логики, делающей акцент на ясности и отчётливости идей в плане передачи категории «очевидность» (4);
- эпистемологической и лингводидактической проблематики сущностных признаков современной французской и итальянской риторики (5).

Обсуждение и результаты

В XVIII веке писатель и журналист Антуан Ривароль провозгласил: *“Ce qui n’est pas clair n’est pas français”* (Rivarol, 2013, p. 112-113). / То, что неясно изложено, это не по-французски. Другими словами, для страстного французского полемиста периода Великой Французской революции, чьи цели были как политическими, так и «лингвистическими», ясность, понимаемая в смысле строгой логики вербализации, является основополагающим принципом французского языка. С тех пор другие авторы дополнили это утверждение, и такие выражения, как *“raisonner à la française”* / рассуждать по-французски, *“la clarté française”* / французская ясность и *“la dissertation française”* / французский образ мысли (TLFi), стали фразами-высказываниями, которые в глазах большинства франкофонов и нефранкофонов сигнализируют об одной или нескольких особенностях французского языка и/или его использования. В связи с этим возникают вопросы, иногда парадоксальные, которые требуют разъяснений: означает ли это, что речь становится понятной ipso facto уже потому, что субъект дискурса говорит (хорошо) по-французски? Изучение французского языка, освоение его с целью стать компетентным оратором, следовательно, означало бы, если верить этой идеологии, принятие особого образа мышления и рассуждения, иными словами, вступление в отношения с миром, где царят ясность и логика. Передаёт ли сам язык эти качества или же они представляют собой способ подхода к языку и его использованию?

Несомненно, ставить проблему столь однозначно – несколько искусственно, учитывая, что язык и культура настолько тесно связаны, что одно влияет на другое и наоборот. Однако известные качества ясности и логичности, а также другие, связанные с ними (например, рациональность), так долго ассоциировались с французским языком, что этот вопрос не лишен смысла. Поэтому сохраним его, но переформулируем следующим образом: если существуют специфические аспекты языка, в частности его аналитический характер, которые способствуют формулированию рационального содержания, есть ли возможность обнаружить в отношении говорящих на родном языке особую языковую культуру, которая делает сильный акцент на этих же качествах?

Помимо лингвистических особенностей, характерных для французского языка, по мнению многих учёных (Веденина, 2020; Pruvost, 2014; Siouffi, 2020), во Франции действительно существуют глубинные корреляции

между языком, его ценностью и социокультурными функциями, которые, вероятно, создают трудности для аллофонов, изучающих французский язык (BU). И, в частности, люди, принадлежащие к совершенно иной культуре, могут столкнуться с реальными коммуникативными трудностями, например, студенты, чьё пространство родного языка, не говоря уже о культуре, функционирует иначе, чем система изучаемого языка, например, японцы, в языке которых каждый иероглиф допускает несколько прочтений, что представляет собой одну из форм полисемии, поэтому для них понятие ясности, даже на начальном этапе изучения французского языка, не может обрести форму традиционных общеевропейских смыслов.

1. В начале было Слово (Глагол)

Для достаточно широкого и более глубокого рассмотрения избранной проблематики, то есть раскрытия основ рефлексивно-критического отношения к языку, необходимо на некоторое время покинуть франкоязычный мир и вернуться к фундаментальному элементу западной культуры: греко-латинскому и христианскому наследию. По нашему мнению, в том, что касается культуры и отношения к языку, вся Западная Европа, и в особенности романоязычная Европа, а следовательно, и франкоязычная Европа, фактически во многом зависит от двух великих традиций-близнецов: греко-латинской, с одной стороны, и иудео-христианской – с другой.

Эти две традиции пересекались настолько, что христианство получило широкое распространение в Западной Европе – на территории, находившейся в орбите Римской империи, – начиная с III и IV веков, и весь первый период христианизации носит на себе печать греко-латинской культуры. Более того, с IV века Рим стал столицей христианского мира.

Надо сказать, что греко-латинский и христианский миры сходятся в важной для задач нашей работы позиции: обе концепции отводят главенствующее место, как в человеческом поведении и действиях, так и в иерархии культурных ценностей, Логосу (греческая традиция) и Слову (иудео-христианская и латинская традиции); последнее первично по отношению к другим установкам или свойствам личности (Ромах, 2007). Слово (отождествляемое с дыханием, с духом), Логос (который обозначает слово и любую принимаемую им роль, мирскую или сакральную; термин занимает значительное место в философском языке, поскольку он также означает понятие «разум») играют основополагающую роль во взаимоотношениях личности с окружающей средой, с самим собой, с другими личностями.

Так, в греческой традиции, оказавшей сильное влияние на латинский мир, начиная со II века до н. э., увлечение речью, талантом оратора и тем, что он позволяет достичь, было велико, что побудило Жоржа Молинье написать в его «Словаре риторики»: *“Dès le plus ancien éclat de la culture, dans l’univers occidental, la rhétorique régnait, <...> le premier et plus grand maître de tous les temps est évidemment Homère, chez qui l’on trouve tous les modèles de tous les genres les plus totalement parfaits. Telle est du moins la plus fondamentale affirmation de la rhétorique mythique”* (Molinié, 1997, p. 12). / С самых первых всплесков культуры, в западном мире, царила риторика, <...> первым и величайшим мастером всех времён, несомненно, является Гомер, у которого мы находим все образцы всех жанров в наиболее совершенном виде. Таково, по крайней мере, самое фундаментальное утверждение мифической риторики.

Как бы то ни было, факт остаётся фактом: в «Илиаде» и «Одиссее» сам Гомер (IX век до н. э.) использует слово *rheter* для обозначения одного из аспектов человеческого идеала, к которому наставник Ахилла, героя Троянской войны, стремится привести своего ученика: «человек слова и действия», тот, кто посвящает себя делу, даёт слово (Monsacré, 2010, p. 172).

Искусство красноречия развивалось в Греции, начиная с V века до н. э.; оно было систематизировано там, поскольку играло решающую роль в общественной, судебной и политической жизни, а также потому, что тесно связано с возникновением афинской демократии. «Это, по сути, приглашало тысячи граждан к постоянному открытому обсуждению слов и идей» (Monsacré, 2010, p. 51).

Итак, греки развили размышление о языке (метадискурс), изобретя риторику, понимаемую как совокупность (технических) средств, наилучшим образом позволяющих достигать целей посредством речи; именно Аристотель систематизировал её в IV веке до н. э. Затем её переняли римляне, двумя главными представителями которых были Цицерон во времена Республики (I век до н. э.) и Квинтилиан во времена Империи (I век н. э.); у последнего риторическая культура стала восприниматься как наилучший путь к цивилизации (EUFr).

Слово, в свою очередь, в иудео-христианском мире является, в частности, инструментом сотворения мира Богом (Бытие 1:3-31): Библия открывается первым рассказом из Книги Бытия, который, по сути, является ссылкой на слова, которыми Бог творит мир и называет каждую вещь своим именем. Бог творит через Слово и через наречение. Более того, одно из повествований о жизни и учении Христа, Евангелие от Иоанна, начинается такими словами: «В начале было Слово, и Слово было Бог». В данной перспективе всеобъемлющее и комплексно-универсальное значение слова, сигнификат которого есть теологическая проекция божественного дыхания и неиссякающего духа, является центральной категорией иудео-христианской вселенной и Священного Писания. Истина – в Книге человечность, в самом сильном смысле этого понятия, – в слове (BBL).

Таким образом, у истоков, у корней европейской культуры мы обнаруживаем этот приоритет роли, отводимой слову. Конечно, ещё далеко от Франции и французского языка, но в этом отношении существует глубинная преемственность. Итак, чуть более двадцати веков назад, когда «римский полководец Юлий Цезарь завоевал Галлию (обобщая: регионы, которые сейчас являются франкоязычными), он принёс с собой латынь, а также связь с языком, культуру Слова» (EUFr).

Здесь мы не будем подробно останавливаться на этапах аккультурации в регионах, подчинённых римской власти. Однако, помимо трудностей, связанных с вторжениями и войнами, и помимо значительного политического

и социального вклада германцев, именно латинская традиция в культурном отношении доминировала в европейском Средневековье, даже если иногда она включала перевод греческих текстов на латынь (EUFr). Латынь, язык учёных, клириков и школ, была средоточием античной мысли. Обучение было организовано вокруг признанных и иерархически организованных интеллектуальных дисциплин греко-римского мира: тривиума, основы всякого обучения, включавшего грамматику, риторику и диалектику, и квадривиума (арифметики, музыки, геометрии, астрономии) (EUFr). Итак, христианское Средневековье, синтезировавшее вклад обеих культур (греко-латинской и германской), развивало ораторское искусство в той мере, в какой это было необходимо для распространения веры и развития богословия, но риторика также оставила свой след в светской литературе.

2. Культура ораторского искусства, словесных поединков и индивидуального самоутверждения

В Средние века риторика развивалась как в светской литературе, так и в проповеднической деятельности. Риторика была преимущественно технической дисциплиной, практикой и обучением. В течение средневековья развивались школы риторики, включавшие в себя даже дисциплины, связанные с литературой, в частности поэзию.

Начиная с XVI века, риторика вернулась к древним образцам и её преподавание стало неотъемлемой частью школьного образования. В основном, несмотря на незначительные изменения, эта традиция сохранялась во Франции до конца XIX века, когда студентов продолжали обучать латинскому ораторскому дискурсу. Поэтому она оказала глубокое влияние на умы французов. В этой риторической традиции, берущей начало от Аристотеля, заимствованной, усвоенной и адаптированной, можно ли выделить элементы, которые позволили бы нам лучше понять взаимоотношения франкоговорящих с их языком? Прежде всего, напомним, что риторика – это искусство словесно защищать себя, убеждать, влиять на других, находя аргументы в ситуациях, где доказательство невозможно (то есть в областях, не относящихся к сфере науки); это искусство извлекать из ситуации, из конкретного случая элементы, которые, скорее всего, подтвердят тезис (аргументы), в обстоятельствах, когда нет другого выхода, кроме как вести противоречивые (и вероятностные) дискуссии. Искусство эффективного речевого выступления могло развиваться и приобрести такое значение только в обществе, где граждане, овладевшие им, надеялись получить значительную выгоду от его умелого и разумного применения, особенно в суде и при принятии политических решений (EUFr).

В риторике как преподаваемой дисциплине и дискурсивной практике речь, по сути, идёт о предоставлении всех возможностей достижению великой цели, а в Средние века – христианской вере. Риторика – инструмент (социального) действия, и её область – размышление, то есть исследование и обсуждение вопроса. Эта способность, признаваемая в речи, приобретает чёткие смыслы на культурном уровне: она идёт рука об руку с ясным утверждением возможности и важности индивидуального действия. Индивид рассматривается как автономное существо, он преследует цели, имеет интересы, принадлежащие только ему, или, в другом случае, он становится наиболее авторитетным толкователем божественной воли, учения Церкви.

Именно **индивид** (гражданин в Афинах, клирик или поэт в Средние века, учёный в эпоху Возрождения) призван отстаивать свою точку зрения, защищать «великое дело» в ситуациях, где возможны как минимум две позиции. Речь, риторика, поэтому рассматривается как средство одержать верх, одержать победу над другим. Данная функция идёт рука об руку с **валоризацией регулируемого** (а не брутального) **словесного противостояния**, с выделением того, что противостоит, различается с точки зрения мнений, убеждений, прав, проектов, но также и с **большим доверием к способности речи** разрешать противоречия, помогать принимать решения, делать выбор. Данные компетенции также подразумевают выбор среди рассматриваемых тезисов и стремление к **заклучению**, то есть к суждению, которое подчёркивает его отличие от других позиций. Эти черты оказывали длительное влияние на западную культуру, и особенно на французскую, даже если в Средние века этот примат личности отошёл на второй план и возродился лишь в эпоху Возрождения, в эпоху переосмысления античности и изобретения книгопечатания (Rey, 2011, p. 115-130).

Упомянутые выше элементы дискурсивных компетенций, культивируемых во французском социуме, уже свидетельствуют об особой культуре, об определённом способе позиционирования себя по отношению к таким важным вопросам, как роль языка, место личности, а также функции и способы разрешения конфликтов в общественной жизни. В других лингвокультурах, например, в Японии, главенство группы над личностью, ценность молчания, неявного, невысказанного, смягчение противоречий, выявление точек согласия и групповая гармония могут играть гораздо более важную роль в социальных отношениях. Этот момент подчёркивает лингводидактик и психолог Томоко Хитаси: «Модель человеческих отношений в Японии <...> предполагает, с точки зрения разговора, что обмен мнениями, осуществляемый японцами, основан на эмоциональной конвергенции, определяемой через взаимное признание соответствия или даже близости между людьми в отношениях. При непосредственном взаимодействии разговорно-коммуникативные установки японцев действуют таким образом, что они основаны на поиске психологического сближения, а не на аргументативном обмене мнениями. В типе взаимодействия, описываемом как конфликтный, таком как убеждение или переговоры, признаки несогласия проявляются с обращением к эмоциональной конвергенции» (Hitashi, 1992, p. 12).

3. Кодифицированная, рациональная и линейная риторика

Каковы основные принципы риторики, отцами-основателями которой были великий Аристотель (IV в. до н. э.), «царствовавший над всей будущей риторикой» (Molinié, 1997, p. 12), а затем, с латинской стороны, Квинтилиан, чьё «Учреждение ораторского искусства» представляет собой сборник, суммирующий всю полноту античной риторической доктрины? Обнаруживаются ли в самом содержании этих трактатов черты, оказавшие неизгладимое влияние на культуру красноречия во Франции? По нашему мнению, это действительно так.

«Риторика» как состав канонов ораторского искусства состоит из четырёх частей (или пяти, в зависимости от приоритетов комментатора): **inventio** (творческая идея; замысел; поиск тем и аргументов), **dispositio** (расположение, композиционное построение речи), **elocutio** (словесное оформление речи; выбор слов и фигур речи), **memoria** (память; запоминание) и **actio** (действие). В первых трёх аспектах и по сей день сохраняются определяющие для всей концепции критерии дискурсивной деятельности:

1. Так, этап **inventio** подробно описывает для каждого типа причины имеющиеся аргументы, но в каждом случае решающим является аргумент, доказательство, которое может быть применено двумя способами: во-первых, *энтимема* (*l'enthymème*), или *риторический силлогизм*, – это форма дедуктивного рассуждения с двумя суждениями, выведенными из логического силлогизма (последний представляет собой строгий способ дедукции: он позволяет вывести одно суждение из двух других, считающихся принятыми). В отличие от логического силлогизма, *энтимема* основана на посылах, которые являются только вероятными; более того, одна из них, как правило, подразумевается. Тем не менее *энтимема* должна соответствовать правилам логики (обеспечивать ясность терминов, избегать предвзятости, формулировать логически верные суждения, то есть обобщать на разумных основаниях) (EUFr).

Второй способ доказательства – это *пример* (*l'exemple*), основанный на индукции (логическое правило, выведенное из ряда частных случаев). Таким образом, в этой части риторики утверждается главенство рационального, логического. Этот принцип логической строгости сохраняется и по сей день: французские руководства по лицейскому заданию «сочинение на научную тему» содержат важную главу, посвящённую правилам построения силлогизмов. Пример же, в свою очередь, чрезвычайно ценится в традиции аргументации, где он также понимается в смысле, отличном от того, что подразумевает риторическая традиция: он стал простой иллюстрацией, тогда как риторический пример был истинной индукцией (EUFr).

Дедуктивное риторическое рассуждение (*энтимема*) основано на правдоподобных суждениях, то есть суждениях, относящихся к согласию членов одного и того же общества, суждениях, которые, вероятно, получают согласие большинства или многих (Аристотель считал их универсализируемыми) и из которых строится рассуждение (AP).

Так, следующие современные французские рекламные слоганы: “*La beauté au naturel, tout simplement*” / Естественная красота – это просто, “*Goûtez à la simplicité naturelle*” / Вкусите от натуральной простоты, “*Des produits authentiques, pour une vie authentique*” / От аутентичных продуктов, к аутентичной жизни, “*La nature au service de votre vitalité*” / Природа на службе вашего здоровья (L) – предполагают подразумеваемое правдоподобное утверждение, а именно «то, что натурально, желательно или лучше, чем ненатуральное», и могут быть отнесены к современным формам классической риторики. При этом обращаем внимание на тот факт, что эти утверждения вряд ли могли бы быть правдоподобными в том же контексте столетием ранее. Точно так же превознесение какого-либо уникального, исключительного феномена (например, творческой личности писателя как существа, обособленного от обывденного) или представление о вдохновении как о даре являются культурно обусловленными сущностями, более или менее правдоподобными в контексте эпохи. Следовательно, знание ценностей, разделяемых группой (социумом), и общепринятых положений социальной аксиоматики составляет необходимую основу для приемлемого аргументирования. Ассимиляция и акцептация лингвокультурологических приоритетов не является очевидным фактом.

Например, при обучении искусству аргументации во французских учебных заведениях от студентов требуется владение фоновыми знаниями национальной культуры, иначе говоря наличие культурного кода, позволяющего им понимать ожидаемым образом, к какой проблеме относится заданный вопрос, заданная тема. Фактически предполагается, что обучающиеся должны связывать определённое количество суждений или общих понятий (пресуппозиций) и уметь рассуждать, исходя из элементов культурного фона, вводя нюансы, ограничения, и подкреплять свои аргументы при помощи прямых указаний на конкретные факты.

Так, например, вопрос, заданный на экзамене на получение звания бакалавра, «Может ли посредственный персонаж быть героем романа?» (Tort, Valle, 1980, p. 16), который предполагает, прежде всего, принятие аксиологической категории «посредственность» и оценочного суждения, которое данный вопрос подразумевает. Здесь также предполагается наличие точек соприкосновения по поводу взаимосвязи между литературой и реальностью, между художественным творчеством и человеческим бытием, а также по вопросам теории литературы. Данный вопрос уместен, по сути дела, лишь потому, что мы предполагаем, что понятия правдоподобия и автономности художественного произведения или разница между героизмом в бытии и понятием литературного героя уже усвоены. К сожалению, по мнению большинства французских и японских преподавателей, этот эпистемологический консенсус фактически теряет свои позиции и становится всё труднее предлагать восемнадцатилетним ученикам темы, позволяющие им обратиться к общему массиву культурноносных знаний, независимо идёт ли речь о Франции или о Японии (Tort, Valle, 1980, p. 35).

Трудности, с которыми сегодня на уровне *inventio* сталкиваются франкофоны, пришедшие из культурного пространства, отличающегося от школьного, или молодые люди из среды иммигрантов, усваивающие риторику, лишь отчасти дают представление о том, какие препятствия придётся преодолевать ученикам, принадлежащим к совершенно иной культуре, встретившись с подобным типом выбора: очевидные вещи или категории, которые они разделяют в «исходной» группе, несомненно, отличаются от приоритетов и аксиологии франкоговорящего мира.

Наконец, помимо рациональных средств и предпосылок (вероятностных посылок) первой части риторики, нельзя забывать о двух других средствах доказательства, которым древние придавали большое значение. Это, с одной стороны, *этос* (ethos), то есть образ, который оратор создает в своей речи (например, как компетентный и скромный человек); и, с другой стороны, *пафос* (pathos), то есть страсти и чувства, возбуждаемые в аудитории (например, посредством выразительного повествования о событиях, лежащих в основе

судебного разбирательства, с целью вызвать возмущение или сострадание) (GRLF). В последнем случае в школьной европейской (в частности, французской) традиции со временем произошли значительные изменения, при этом адаптация к аудитории и предполагаемое таким образом знание о ней постепенно отошли на второй план, к чему мы ещё вернёмся позднее.

В любом случае понятие этоса, как и понятие пафоса, в высшей степени культурно обусловлено. И мы ясно видим, с какими трудностями может столкнуться говорящий, не владеющий французским языком, при разработке стратегий, позволяющих вызвать у аудитории определённые чувства. Аналогично, будет ли образ, который он пытается создать, основываясь на критериях своей культуры, понятен и принят собеседниками? Так, например, в Японии социальный статус говорящего определяет характер как этоса, так и пафоса: <...> *“un locuteur occupant une place hiérarchiquement reconnue <...> s'autorisera un recours beaucoup plus fréquent à l'anecdote personnelle et à l'expression affective du sentiment; alors que chez un locuteur moins bien placé sur l'échelle hiérarchique (étudiant lors d'un exposé), le "je" sera davantage occulté et le recours à l'allusion personnelle perçu comme digression et non comme argument*” (Disson, 2002, p. 183). / говорящий, занимающий иерархически признанное положение, позволит себе гораздо чаще прибегать к личным историям и эмоциональному выражению чувств; тогда как у говорящего, находящегося на более низкой иерархической ступени (студента во время презентации), «я» будет более завуалированным, а использование личных намёков будет восприниматься как отступление от темы, а не как аргумент.

2. Что касается **dispositio** (диспозиция), внутренней организации речи, его части определяются таким образом, чтобы вести читателя от этапа к этапу, с одной стороны, к открытию и принятию защищаемого тезиса, а с другой – к опровержению противоположного тезиса. К традиционным частям данного этапа реализации дискурса во французской риторике обычно относят *повествование* (о фактах или представлении исходных данных дискуссии) (*narration*), *подтверждение* (*confirmation*), *опровержение* (*réfutation*) и *отступление* (*digression*). Для расположения характерно прежде всего разграничение частей, что свидетельствует о *мысли*, развивающейся путем **логического членения** (*découpage logique*) и разделения рассматриваемого материала на составные элементы. При этом речь идёт о *мысли*, развивающейся **линейно** (*manière linéaire*), последовательно добавляя аргументы в поддержку тезиса и в опровержение того, чему возражают. Этот тип прогрессии не является единственно возможным, и существуют, особенно на Востоке, другие дискурсивные логики, которые «продвигаются путем последовательного вложения дополнительных подходов или даже путем концентрических кругов или спиралей, чтобы постепенно определить вопрос, приближаясь все ближе и ближе к тому, что составляет его суть, в центристском подходе» (GRLF).

Фактически исследователи, изучавшие письменные работы японских студентов, пришли к выводу, что учащиеся испытывают большие трудности в организации своих текстов в соответствии с логикой, соответствующей типу рациональности, действующему во франкоязычном мире, так что даже у продвинутых студентов письменные работы состоят из грамматически правильных предложений, которые, будучи составлены вместе, не образуют текст. Именно это побудило Юми Такагаи написать, что «эта слабость глубоко укоренена в менталитете японских учащихся, и что различия в организации текста между двумя языками обусловлены <...> фундаментальным расхождением и представляют собой серьёзную проблему в обучении» (Takagayū, 2000, p. 84). Эту же гипотезу поддерживает и Аньес Диссон, которая утверждает, что *“dans le cas du japonais, la différence des stratégies discursives touche à notre avis à un nœud central de l'opposition japonais/français et à un problème majeur dans l'apprentissage – domaine qui reste largement inexploré”* (Disson, 2002, p. 182). / в случае с японским языком различие в дискурсивных стратегиях затрагивает, по нашему мнению, центральный узел японо-французского противостояния и важнейшую проблему обучения – область, которая остаётся в значительной степени неисследованной.

Более того, и это, несомненно, не последняя из трудностей для студентов с Востока, **искусство полемики** (*l'art de la controverse*) высоко развито во франкоязычном мире, студентам предлагается не только занять позицию, но и чётко сформулировать то, чему они возражают, и аргументировано опровергнуть последнее. Речь идёт о **диалектическом плане**, известном каждому студенту во Франции и высоко ценимом во французской традиции не только в лицейских «научных сочинениях» (*dissertation* = академическое упражнение [экзамен]), состоящее из разработки структурированной и последовательной аргументации по заданной теме), но и в процедуре защит докторских диссертаций.

Рассмотрим кратко историю возникновения, эволюцию, модальности и импликации диалектического плана. Диалектика имеет богатое и довольно сложное прошлое в европейской традиции: от Платона до Гегеля, через средневековых философов и диалектику Канта; это искусство дискуссии (в изначальном смысле), словесного противостояния, неразрывно связано с подходом к проблемам с противоречивых, антитетических позиций (EUFr). Согласно концепциям западных философов, начиная с Платона, считалось, что именно из напряжения между противоположностями, из противопоставления может возникнуть «истина».

Так, после получения темы для выполнения задания по анализу и толкованию текста (*dissertation*) студенту предлагается открыто высказаться в пользу какой-либо позиции (даже если она имеет нюансы), ему также предлагается вынести оценочное суждение по отношению к одному (или нескольким) оппонентам, а именно к тому или тем, кто отстаивает другую позицию, чаще всего противоположную его собственной. Речь идёт об искусстве ведения полемики, которая всегда рассматривается как весьма продуктивное интеллектуальное упражнение. Студента побуждают к *децентрации*, учёту точки зрения других, тех, кто думает иначе, и чтобы опровергнуть иную точку зрения, они должны подробно *остановиться* на ней, *проанализировать её основания*, что может и должно привести к *уточнению собственной позиции*. В этом и заключается принцип академической аргументации, принятый во французской системе образования и усвоенный большинством жителей Франции, прошедших как минимум лицейский курс обучения.

В действительности, в повседневной жизни, как в политике, так и в школе, лишь немногие ораторы и писатели практикуют истинную диалектическую схему аргументации: чаще всего субъект речи остаётся в состоянии чистой и простой оппозиции и противоположный тезис рассматривается исходя из предпосылок защищаемого тезиса. Вместе с тем, то, что является сложным для носителей французского языка, становится ещё более сложным для тех, кто не вырос в культуре, где словесные дуэли являются правилом, где людям предлагают самоутверждаться, противопоставляя себя другим и, по крайней мере неявно, пытаюсь доказать свою общность с разумом и здравым смыслом. В этом отношении японская культура (и она не единственная!) ценит совершенно иные установки.

Поскольку гармония [в Японии] сущностно важна, противоположные мнения воспринимаются как разрыв отношений. Любое противоречие мыслится как источник конфликта, как посягательство на договор, объединяющий коммуникантов. Подтверждение чужого утверждения или подавление несогласия гарантирует понимание. Подобные ценностные приоритеты формируют повседневное употребление языка на уровне культурного кода, так как «отрицание в японской мире в таком случае очень редко используется вместо согласия» (ТТ).

3. В *ораторском искусстве (l'élocution)* особое внимание уделяется релевантному использованию языка, выбору правильных слов, исключающих двусмысленность, ясности (*l'absence d'ambiguïté* = отсутствию двусмысленности) используемых стилистических приёмов и их адаптации как к аудитории, так и к теме: тон и стиль считаются очень важными.

Итак, три качества (в современной терминологии: *дискурсных компетенции*), требуемые от античного оратора, долго сохраняли своё место в национальной аргументативной традиции. При этом знаменитая «французская ясность» часто продолжает трактоваться как стилистический эффект, обусловленный не только точностью и лаконичностью в использовании терминов, но и таким искусством и эстетикой риторической мелизматике. Последние два (2, 3) утратили своё значение с развитием средств массовой информации и демократизацией исследований. Первое (1), напротив, приобрело всё возрастающее значение во французской национальной традиции ораторских компетенций. Этим французы обязаны Декарту.

4. Декарт: ясные и четкие идеи для выражения очевидного

В предыдущих абзацах мы показали, как искусство говорения, зародившееся в Греции в IV-V веках до н. э., прошло через всю историю, оказав прочное и весьма специфическое влияние на франкоязычную Европу. Однако этот путь ещё не в полной мере объясняет французскую специфику и особую роль, придаваемую логике и ясности носителями французского языка. Именно в XVII веке вышеуказанные элементы значительно усиливают свои эпистемологические позиции.

С одной стороны, начиная с семнадцатого века, в учебных классах на латинском языке практикуется аспект *disputatio* как словесный поединок, который возник в результате пересечения классической риторики и христианской схоластической традиции, распространяя учение диалектики на теологическую сферу. Некоторые видят в этом истоки схоластической модели «искусства рассуждения» (Pruvost, 2014, p. 133).

С другой стороны, Декарт выступает против риторики как искусства, которому можно научиться посредством учёбы, ставя превыше всего веру во внутренний разум. Более того, он отвергает риторический способ аргументации, а именно диалектику, поскольку она не позволяет прийти к очевидности, к истине, которая может быть только универсально единственной и, следовательно, вызывать согласие всех умов (Descartes, 2000, p. 95).

Как известно, метод Декарта базируется на *методическом сомнении*, посредством которого учёный решает считать ложным всё, что лишь *вероятно (vraisemblable)*. Однако именно категория *вероятности* – истинная основа риторики. Декарт стремится создать цепь доказательств, напоминающую математическое доказательство. И наконец, он отвергает идею спора между несколькими людьми: по его мнению, истину можно найти, только «вернувшись» к себе, делая акцент на индивидуализме и рациональности человеческого разума (Descartes, 2000).

Помимо своей позиции в риторике, Декарт, великий сторонник ясных и чётких идей, оказал длительное и значительное влияние на то, как во Франции понимают рассуждение и аргументацию. Значение, придаваемое доказательствам, истине и доказательным рассуждениям, приводит к отказу от эмоций, чувств, личного самовыражения, к ограничению себя довольно абстрактными дискуссиями, в которых умножаются *distinguos* (разделение понятий). Так, мы приходим к вербальной культуре, которая, по сути, основана на том, что мы бы назвали *принципом разделения* – субъекта, понятий, точек зрения, – и которая в корне противоположна всеобщей восточной идее, согласно которой всё взаимосвязано, а противоположности находят в отношениях взаимодополняемости и непрерывности (Descartes, 2000, p. 111).

Таким образом, настойчивое стремление Декарта к идее единой истины приводит к стремлению придать дискурсу всеобщий масштаб, вписать его в общность (лингвистически отдавая предпочтение глаголу «быть» в его безличном формате) и, следовательно, не принимать во внимание обстоятельства беседы. Конечно, требование логической рациональности присутствовало и у древних, но у них оно дополнялось, смягчалось этосом (*ethos*), пафосом (*pathos*) и фигурами речи (*elocutio*). Таким образом, картезианский рационализм придал французской риторике особый колорит, который ощущается и сегодня, особенно в романоговорящей среде.

5. Квинтэссенция «французской» и «итальянской» риторики сегодня

Иллюстрация выводов предыдущего раздела требует отойти от линейности повествования, вернуться в современность и одновременно сфокусироваться на реальной преемственности риторических практик, действующих во франкоязычном мире на протяжении всей истории. Для этого попытаемся выявить принципы,

лежащие в основе взаимосвязи между мыслью и письмом во французской школе, с одной стороны, и в итальянской – с другой. В своём анализе рассмотрим аспекты, отмеченные француженкой Сильви Леони «благодаря которым на протяжении более чем тысячелетия мы учились писать и думать во Франции, как и в Италии, а именно: *inventio, dispositio, elocutio*» (Léoni, 1993, p. 144).

Исследовательница констатирует, что во Франции «изобретения студентов (слово *inventio* в первом значении с латинского языка переводится как «я изобретаю») преимущественно основаны на литературном тексте, высококультурном продукте, и после длительных упражнений в рациональности» (Léoni, 1993, p. 145). В школьных и вузовских программах Италии важность чтения неоднократно подтверждается, но именно «через контакт с реальностью и опору на собственные ресурсы (опыт, размышление, чувствительность) итальянский студент изобретает» (Léoni, 1993, p. 145). В этом смысле в Италии творчество не вторично по отношению к рациональности, а, скорее, становится выражением всей личности студента. Письмо считается выражением его целостного «я».

Сильви Леони может быть несколько предвзята в своем суждении. Тем не менее то, что она отмечает, весьма значимо. Приведем краткую цитату: *“En fait, à travers ces différences, ce sont deux cultures qui s'affirment et se transmettent: d'un côté, l'esprit cartésien qui décrypte et ordonne le vécu à partir d'un modèle de pensée préexistant, considéré comme une mesure de vérité, de l'autre, un esprit rhétorico-humaniste pour lequel c'est l'interaction entre une individualité et un contexte extérieur qui constitue le cadre de référence du pensable et du "scriptible"”* (Léoni, 1993, p. 146). / Фактически, через эти различия утверждаются и передаются две культуры: с одной стороны, **картезианский дух**, который расшифровывает и упорядочивает опыт, основываясь на ранее существовавшей модели мышления, считающейся мерой истины; с другой стороны, **риторико-гуманистический дух**, для которого именно взаимодействие индивида с внешним контекстом образует систему отсчета мыслимого и «пишущегося».

По нашему мнению, различное понимание *inventio* подразумевает, что роль, отводимая *dispositio*, будет разной в двух рассматриваемых образовательных системах. В Италии, где ценятся спонтанность и креативность, указания относительно структурной жёсткости дискурса не воспринимаются как приоритетное требование и, прежде всего, не подразумевают понятия нормативного *dispositio*. Во Франции же нормативность имеет фундаментальное значение в письменной практике, поскольку воспринимается как гарантия строгости, точности, логичности, то есть обоснованности дискурса (Léoni, 1993).

Эта ссылка на современного исследователя, иллюстрирующая влияние картезианской модели на французскую риторику, не должна затмевать тот факт, что, хотя «Рассуждение о методе» было написано на французском языке, во французских учебных заведениях во времена Декарта преподавание риторического искусства велось преимущественно на латинском языке вплоть до конца XIX века (1880-е годы) и заключалось в усвоении искусства классической аргументации. Практика поздней латинизации преподавания свидетельствует о том, что до сих пор во французской средней и высшей школе «письмо, по сути, есть попытка подчинить мир и себя правилу мышления» (Léoni, 1993, p. 150).

С 1880 года практика написания на французском языке эссе на научную тему заменяет латинский дискурс и становится кульминацией курса французского сочинения. Этот жанр, изначально светский и довольно пространственный в XVII веке, принимает различные формы, но, по сути, неизменно подчеркивает необходимость логического обоснования собственного мнения. Методология базируется на использовании диалектической схемы плана исследования, обязательности культурных и литературных ссылок, так же как и перекрёстное рассмотрение противоположных точек зрения. В том виде, в каком научное сочинение практиковалось на занятиях до 1970-х годов, это академическое упражнение было ярко выражено литературным, элитарным и, надо сказать, довольно формальным (Седых, 2022, с. 133).

Здесь хотелось бы подчеркнуть относительную парадоксальность требований к научному эссе, которые, несомненно, сводятся к акценту на логике и ясности изложения, стремлении создать нарратив на базе универсальных ценностей, но при этом идут рука об руку с требованием искренности размышлений и чувств, оригинальности и личностного характера мысли, в соответствии с тем, что предполагает аргументация, как она обычно понимается в западном мире.

Как правило, французские преподаватели по риторике «подспудно» рекомендуют студенту не высказывать «жёстко» субъективную точку зрения, избегать изложения мысли от первого лица, ожидая, с одной стороны, что экзаменуемый придаст своей мысли достаточно широкую социокультурную значимость (на уровне интерперсональных эмпатических взаимодействий и выводов), а с другой – что ему удастся соотнести размышление с системой общечеловеческих ценностей и сформулировать его таким образом, чтобы оно несло отпечаток его собственной изначальной идентичности.

По сути дела, вышеприведённые требования предполагают значительное владение мыслительными и языковыми ресурсами, мастерство, которое можно приобрести только в результате длительной работы над спонтанными высказываниями и мнениями говорящих/пишущих субъектов дискурса. Другими словами, эта задача остаётся крайне сложной для носителей французского языка; сегодня, когда школьная аудитория очень неоднородна, формулировки становятся более гибкими, и постепенно внедряется подход к преподаванию *аргументативного письма*, способствующий развитию навыков в области актуальных требований посткоммуникативной неориторики.

Современные принципы преподавания культуры речи должны отталкиваться от креативной активности обучающихся, чтобы чётко определить типы согласованности в работе, и, исходя из этого, разрабатывать прогрессивные стратегии обучения, начиная процесс обучения на более ранних этапах возрастного развития ребёнка. Например, для учащихся, не знакомых с правилами французской аргументации, первой задачей будет прояснить

культурные (или антропологические) данные, на которых основан национальный дискурс, и их влияние на его развитие. Научиться четко формулировать позицию, брать на себя ответственность и указывать, какой позиции она противостоит, – это упражнение может оказаться «токсичным» для учащихся, живущих в ином культурном контексте, где, например, «разграничение черного и белого» равнозначно ссоре (Карасик, 2025, с. 57–61).

При этом следует учитывать тот факт, что благодаря своему опыту учащиеся интегрируют не только языковую систему, но и представление о мире и отношениях с другими людьми. Эти представления, управляемые родными ценностями, придающими системе смысл, являются «габитусом», интегрируемым с раннего детства. Здесь необходимо осознание того, что иностранная языковая система может функционировать в соответствии с другими ценностями и правилами. Изучение этих предпосылок способствует правильному пониманию намерений собеседника и снижает негативный потенциал недопонимания, разочарования от общения и вероятность межкультурного конфликта.

Заключение

В результате наших размышлений мы приходим к следующим выводам:

1. Во франкоязычном мире существует особый способ понимания *аргументативного обмена* как важной части культуры речи. Имеется в виду в первую очередь письменный дискурс, который оставляет относительно мало места для невербальной коммуникации, основанной на неявно выраженной семантике комплексной фразировки.

2. Риторическая культура французов по-настоящему не выявляет то, что объединяет (или сближает) участников диалога, и то, что ускользает от рационального формулирования. В этом смысле французская *аргументативная схема*, прежде всего, «боится молчания», иными словами, это структура широкого диапазона, включающая несколько этапов развития и логико-дискурсный план, позволяющий сформулировать тезис, аргументированно его защитить и потенциально опровергнуть противоположные тезисы.

3. Признавая эту особенность и понимая, что её не обязательно разделяют все, кто изучает французский язык, предоставляем им возможность проанализировать и лучше понять национальные формы дискурсивности и, возможно, несколько ослабить собственные риторические схемы аргументации в пользу более жёсткой рациональности нарративных стратегий общения. Если говорить о близких лингвокультурах (Франция и Италия), то возможности модификаций риторических схем аргументации представляются весьма вероятными, тогда как дистантные культуры (Франция и Япония) меньше всего предрасположены к ассимиляции чужих схем доказательства за счёт ослабления позиций своего нарративного потенциала.

4. Перспективы дальнейших исследований могут позиционироваться в пространстве посткомпаративистики, которая в качестве теоретико-методологического подхода бросает вызов основам классического сопоставительного языкознания. Посткомпаративизм характеризуется продуктивной критикой понятий нации, культуры, идентичности и коммуникативного канона, которые, согласно языковедческой традиции, часто рассматриваются как эпистемологические конструкты или концептуальные модели, а не как естественные сущности. В этом плане новейшее направление компаративных исследований базируется на исходном утверждении о том, что язык и культуру следует рассматривать как целостное образование в рамках единого имбрикационного или синергетического концепта «язык – культура», выступающего ключевым вектором на путях формирования новой семиологии и интеракционной лингводидактики.

Материалы исследования | Research materials

1. Encyclopædia Universalis France (en ligne). [https://www.universalis.fr/recherche/RH%C3%89TORIQUE/article/1/\(EUFr\)](https://www.universalis.fr/recherche/RH%C3%89TORIQUE/article/1/(EUFr)).
2. Grand Robert de la langue française. <https://www.bnf.fr/fr/grand-robert-de-la-langue-francaise> (GRLF).
3. Grevisse M. Le Bon Usage. Grammaire française avec des remarques sur la langue française d'aujourd'hui. Gembloux (Belgique), 1975 (BU).
4. La Bible en ligne. [https://bible-en-ligne.net/\(BBL\)](https://bible-en-ligne.net/(BBL)).
5. Larousse. <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/phrase/60532#174507> (L).
6. Molinié G. Dictionnaire de rhétorique. P.: Librairie générale française, 1997.
7. Rey A. Dictionnaire historique de la langue française en trois volumes (Édition numérique). P.: Le Robert, 2011.
8. Terres japonaises. Savoir-vivre: us et coutumes du Japon. <https://www.terres-japonaises.com/conseils-voyage/culture-vie-locale/savoir-vivre-us-coutumes> (TJ).
9. Tort P., Valle S. Bonnes copies de baccalauréat. Français: dissertation, essai. P.: Hatier, 1980.
10. Trésor de la Langue Française informatisé. [https://www.atilf.fr/\(TLFi\)](https://www.atilf.fr/(TLFi)).

Источники | References

1. Александрова О. И., Борисова А. С., Калининкова Е. Д. Феномен прецедентности во французской социальной рекламе и ее коммуникативно-прагматический потенциал // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 1. <https://doi.org/10.30853/phil201003>
2. Аристотель. Риторика. Античные риторики. <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/> (AP).
3. Веденина Л. Г. Французский язык. Структура, функционирование, культура. М.: Языки славянской культуры, 2020.

4. Карасик В. И. Языковое древо жизни: монография. М.: Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 2025.
5. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.
6. Ромах Н. И. Культурогенность Древнего Рима // Аналитика культурологии. 2007. № 7.
7. Седых А. П. Язык, культура, коммуникация: французский мир: монография. Белгород: Эпицентр, 2022.
8. Clas A. Langue, langage et les étonnantes locutions, expressions et phrasèmes du français, et leurs correspondants en anglais et en allemand // Meta. 2015. № 60 (2). <https://doi.org/10.7202/1032859ar>
9. Descartes. Discours de la méthode. P.: Le livre de poche, 2000.
10. Disson A. D'une culture à l'autre: argumentation et stratégies discursives au Japon // Études de linguistique appliquée – Enseignement/apprentissage du français langue étrangère et public asiatique. 2002. № 126.
11. Histoire de la rhétorique dans l'Europe moderne (1450-1950). P.: Presses Universitaires de France, 1999 (HREM).
12. Hitashi T. Convergence émotionnelle dans la pratique communicative des Japonais. Analyse de la communication exolingue entre Japonais et Français // Lidil. 1992. № 5.
13. Identités sociales et discursives / sous la dir. de P. Charaudeau. P.: Harmattan, 2009.
14. Kerbrat-Orecchioni C. Le discours en interaction. P.: Dunod, 2005.
15. Krieg-Planque A. "Formules" et "lieux discursifs": propositions pour l'analyse du discours politique // Semen. Revue de sémio-linguistique des textes et discours. 2006. № 21.
16. Kristeva J. Le Temps sensible. Proust et l'expérience littéraire. P.: Folio Essais, 2000.
17. Léoni S. Apprendre à écrire, apprendre à penser, en France et en Italie // Le français dans le monde. Recherches et applications – "Des pratiques de l'écrit". 1993.
18. Monsacré H. Les larmes d'Achille. Héros, femme et souffrance chez Homère. Bordeaux: Le Félin, 2010.
19. Morin E. La méthode: en 6 vols. P.: Seuil, 2006.
20. Pruvost J. Le Dico des dictionnaires. P.: JC Lattès, 2014.
21. Pruvost J. Quelques concepts lexicographiques opératoires à promouvoir au seuil du XXIe siècle Jean Pruvost // Éla. Études de linguistique appliquée. 2005. № 137.
22. Rastier F. Sémantique interprétative. P.: Presses Universitaires de France, 2009.
23. Rivarol A. Discours sur l'universalité de la langue française, précédé de la langue humaine par Gérard Dessons, collection "Le Philologue". P.: Éditions Manucius, 2013.
24. Siouffi G. Une Histoire de la phrase française. Des "Serments de Strasbourg" aux écritures numériques. Arles: Actes Sud, 2020.
25. Takagayi Y. Des phrases, mais pas de communication. Problème de l'organisation textuelle chez les non-Occidentaux: le cas des Japonais // Dialogues et Cultures. 2000. № 44.

Информация об авторах | Author information

RU

Седых Аркадий Петрович¹, д. филол. н., проф.

Бузинова Людмила Михайловна², д. филол. н., доц.

Акимова Эльвира Николаевна³, д. филол. н., доц.

¹ Московский международный университет;

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

² Московский международный университет

³ Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, г. Москва

EN

Arkadiy Petrovich Sedykh¹, Dr

Lyudmila Mikhailovna Buzinova², Dr

Elvira Nikolajevna Akimova³, Dr

¹ Moscow International University;

Belgorod National Research University

² Moscow International University

³ Pushkin State Russian Language Institute, Moscow

¹ sedykh@bsuedu.ru, ² rluda@mail.ru, ³ akimovaen@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 21.09.2025; опубликовано online (published online): 14.10.2025.

Ключевые слова (keywords): французский риторический дискурс; теория аргументативной коммуникации; картезианская логика и языковое мышление; национально-культурная специфика дискурсивной интеракции; диалектический симбиоз языка и культуры; French rhetorical discourse; theory of argumentative communication; Cartesian logic and linguistic thinking; national and cultural specificity of discursive interaction; dialectical symbiosis of language and culture.